

УДК 008

DOI: 10.34670/AR.2022.26.62.004

Сны в произведениях Шмелева

Дао Сяолэй

Аспирант,
Пекинский педагогический университет,
100875, Китайская Народная Республика, Пекин;
e-mail: 13274619586@163.com

Аннотация

«Художественная система» Ивана Сергеевича Шмелева проявилась в новой эстетике, которую он предложил – в тематике произведений, в композиционном построении, в неповторимом языке и способах изображения героев и окружающего мира. Каждый элемент этой системы подробно проанализирован за прошедшие годы. Однако мало внимания, на наш взгляд, до сих пор было уделено особому значению и месту такому явлению, как сон, в произведениях Шмелева, тому особому символизму и мифологическому наполнению, которое они несут в себе. Каким способом писатель через эти эпизоды повествования и сюжетно-стилевые приемы раскрывает характеры своих героев; какие символы и образы помогают ему передать эмоциональные переживания и духовное становление Тони в «Любовной истории», Вани в «Лето господне» и Дарьи в «Пути небесные»? В статье предпринимается попытка исследовать эту особенность художественной эстетики творчества И.С. Шмелева для выявления еще большей значимости его творчества как для специалистов, так и для читателей. Сон, использование приема онейры (формы сновидения) в произведениях Шмелева является и жанрово-стилевой особенностью, и художественным способом стимулирования сюжетных коллизий, и психологическим приемом объединить реальность и иллюзорный, подсознательный мир, и желанием писателя воплотить представления православного человека о земной и духовной жизни, о человеке, о вере.

Для цитирования в научных исследованиях

Дао Сяолэй. Сны в произведениях Шмелева // Культура и цивилизация. 2022. Том 12. № 5А. С. 48-56. DOI: 10.34670/AR.2022.26.62.004

Ключевые слова

И.С. Шмелев, онейросфера, сновидение, подсознание, предзнаменование, сакральное, литературный мифологизм, неореализм, символизм, многоуровневость и художественная многозначность в творчестве И.С. Шмелева.

Введение

Произведения Ивана Сергеевича Шмелева привлекают внимание исследователей многоуровневостью содержания и художественной многозначностью. Шмелев, опираясь на традиции русской классической литературы, создает свою духовно-художественную концепцию становления личности, и православный контекст его творчества в большей степени привлекает внимание литературоведов. Однако видение мира и специфическое отражение сакрального через поэтические возможности таланта писателя кажутся беспредельными. Его художественные приемы позволяют детально и глубоко проникать во внутренний мир героев, находить неожиданные ответы на мучающие героев и самого читателя вопросы и сомнения. И в этом уникальность творческого таланта И.С. Шмелева. Как пишет Д.В. Макаров, «внутренняя жизнь – величайшая тайна личности: тайна общения с Богом, тайна грехопадения и покаяния, духовного возрастания и смирения, – остается у большинства художников «за кадром». И только Шмелев приоткрывает эту завесу над “святая святых” верующего человека - его сокровенной сердечной духовной жизнью» [Макаров, 2001; Шмелев, 1998].

Одним из таких приемов стало включение в повествование снов героев. Надо отметить, что Шмелев – не первый из русских писателей, воспользовавшийся этим приемом. Сны героев использовали А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Н.В. Гоголь, Н.Г. Чернышевский и др. Как правило, сон героя позволяет писателю глубже проникнуть во внутренний мир человека, его мечты о будущем или попытки найти «увязку» мира реального и мира придуманного, желаемого. Это можно объяснить тем, что сновидение является результатом подсознательной психологической деятельности, как утверждали З. Фрейд [Фрейд, 2020] и К.-Г. Юнг [Юнг, 2020]. Возможно, на подсознательном уровне сон – это действительно неудовлетворенная потребность человека и компенсация, которую в реальности не получают. Во сне часто проявляются творческие способности, присущие каждому человеку. Описание сна главного героя помогает писателю усилить художественную привлекательность произведения.

В произведениях Шмелева сон включен по тем же причинам, которые указаны выше. И все же это средство жанрово-стилевого «почерка» писателя отличается своими нюансами. Во-первых, как представитель неореализма (синтетизма), Шмелев к традициям классического реализма 19 века «присоединяет» элементы модернизма и по-новому переосмысливает существовавшие художественные методы [Чумакевич, 1994]. Страшное в своей реалистичности описание того разрушительного, что происходило в России в то трудное время и проживалось героями, «соседствует» с особой образностью повествования, символичностью языка, неповторимым народным колоритом, миром фантастических снов. Исследователь С.М. Пинаев называет это жанровой «размытостью» [Пинаев, 2013]. Однако, нам кажется, что за этим на самом деле стоит тщательный отбор Шмелевым художественных деталей, которые – каждая по-своему – подчинены описанию сложного и важного процесса – «душестроительства» человека (по словам Э.В. Чумакевич). В той ужасной повседневности человеку очень сложно было думать о душе, о ее очищении и спасении. Но то, что начиналось в реальной жизни доводилось до конечной точки с помощью сновидений, по принципам идеализма и религиозной философии, допускающих трактование сновидения как контакт с другими мирами и сущностями, в том числе с Богом. Чаще всего сновидение воспринимается как божественное откровение, но иногда может быть и бесовским заблуждением, потому что, как в мире земном оказываются разорванными все вечные связи и нарушенными все нравственные законы, так и во снах также может царствовать хаос, зло и заблуждение.

В произведениях Шмелева описание сна встречается многократно, и функция и значение описания сна в его произведениях чрезвычайно важны. Они не нарушают (а даже поддерживают) «организацию» повествования, порой интригуют читателя и, конечно, помогают читателю максимально погрузиться в выстраиваемые писателем образы и сюжетные коллизии. Шмелев, как подмечает Э.В. Чумакевич, применяет прием создания онейросферы (сферы сновидений, в которой автор совместно с героем «рассматривает» свой сон и делает выводы) для того чтобы помочь самому герою понять себя и свои поступки, а также чтобы приобщить читателя к самому важному, что хочет передать автор через сновидение героя. Сон Тони в «Истории любовной», сон Вани в «Лето Господне», сон Дарьи в «Пути небесные» и другие – сны в произведениях Шмелева бывают длинными или короткими, подробными или сокращенными, тесно связанными с реальностью развернутыми или с большой степенью мифологичности и смыслового символизма.

Мрачный сон об утрате чего-то вечного, сакрального и о наказании за это

Этот фрагмент сна взят из романа «История любовная» и представляет собой сон главного героя Тони – пятнадцатилетний гимназист, мечтающий о любви – сначала о любви к чистой и прекрасной девушке-музе, а потом уже о любви с женщиной, не боящейся греха. Таким образом, для Тони образ любви воплощается в милой и веселой соседской девушке Паше и во взрослой и недоступной Серафиме. Так грезы о невинной, чистой любви перерастают в греховные мечтания. С этого момента начинается сражение за сохранение непорочности души Тони – борьба, которая происходит внутри самого юноши. В течение трех недель он находится в бреду и практически на грани смерти. За это время «войны с грехом» Тоня сталкивается с тремя предзнаменованиями, которые появляются в его сне: толстые черно-зеленые змеи, алые цветы и мохнатый черный бык. В этом очищающем сновидении умирает грешная часть души Тони и воскресает чистая, покаявшаяся, способная дальше жить по-настоящему, другая часть души.

Кружило меня в пространстве. Я взлетал на качелях, над чудесным, великим садом. Шумели внизу деревья. Я падал в ужас. Помню цветы... – таких никогда не видел, таких и нет: как будто розы, живые, в воздушных тканях, – цветы из волшебного балета, сквозного живого блеска, как драгоценный камень. Они перебежали, распускались, летели ко мне веяли мне в лицо, качались со мною вместе... Я взбегал по мостам над морем, которое пылало, – и падал в бездну. Множество странных женщин – как будто весталок и вакханок, словно с картинок «Нивы» – кружилось со мной в огнях, и мне становилось дурно от их круженья. Множество обнаженных рук, осыпанных драгоценными камнями невиданного блеска, куда-то меня манили... И черный, мохнатый бык гнался за мною ужасом.

Склонялась лысая голова, в очках, я слышал сигарный запах, меня томивший, узнавал комнату, чьи-то скорбно смотревшие на меня глаза, лампадку... Лысая голова хрипела, и я понимал как будто, что это доктор. Он меня нежно гладил, и мы уплывали с ним. Он показывал мне на льдины, мерцавшие синими огнями, плывшие на нас глыбами. Великое золотое море, расплавленное, в огнях, плескалось у самых глаз, плавилось нестерпимым жаром, – ломало глаза от блеска...

Являлась она, вся в белом... – всюду она являлась! – льнула ко мне, шептала, играла своими волосами... – тянула меня куда-то, торопила, – и мы убежали в сад. Дымное огненное солнце срывалось с неба, катилось, как красный шарик. Темнело сразу, и становилось страшно. Она

тянула меня в овраг. В чернеющей глубине его подымались пунцовые жирные цветы, похожие на огромные пионы. Я падал с нею в мертвую черноту оврага...

Я пел удивительные песни! Были они без слов, одни напевы. От этих чудесных звуков сыпались хрустали, как крупный роскошный бисер, светившийся изнутри огнями, – и она делалась стеклянной и вся сияла... – дремала в зеленоватой воде, за стеклами, в чем-то большом хрустальном, в бриллиантовой чешуе, в огнях, привлекала жемчужными руками, воздыхала атласной грудью, небывалая рыба-женщина, «чудо моря», на которую мы смотрели где-то...

Помню ужас – извивавшихся толстых змей, черных, в зеленых пятнах. Они клубились за мной по комнатам. Я кидался от них на стены, и стены загорались...

Помню старенькое лицо... – священник? – маленькую золотую чашу, закрывавшую мне глаза, бледное лицо чье-то... – Паша? ... почему она плачет? ... – медный сиявший таз, откуда сверкали льдины, сквозившую восковую свечку...

Помню – самое страшное – мохнатого черного быка. Он гнался за мною всюду. Я взбегал на страшную высоту, над бурным, пылавшим морем, – он лез за мною... Он ревел в темноте оврага, подстерегал меня за стеной, за дверью. Он был огромный, с кроваво зияющим глазом. Кровью мутился глаз, истекал ужасом, отвращением, – прожигал меня. Смерть была в нем – я знал. И вот, мохнатый настиг меня. Он поднялся черным горбом, и смрадный, палящий глаз брызнул в меня огнями. Что-то спасло меня... – сверкающая льдина?... Она закрыла. Меня понесло, качая... накрыло белым. Мне стало холодно... [Шмелев, 1998, 217-219].

Сон перерастает в реальность – в омовение выздоравливающего юноши в бане: После баньки всегда легчает. ... Есть свет, и есть тьма. Есть зло, и есть добро... и каждый в себе понимает. «Аз есмь – Свет! – сказано в святой книге. – Берегите Свет, и тьма его не объя!». Вот. С легким паром». Степан подымал ванну, взвалил на спину, поволок. Уже со двора доходило пение: «Без нетления Бога-Слово ро-о-одишу-юууу...» [там же, 231-233].

Следуя выводам З. Фрейда в «Толковании сновидений» [Фрейд, 2020], сон имеет смысл, но он не является ни предсказанием, ни чем-то таинственным. Его можно интерпретировать, поскольку в нем отражается подсознательная активность желаний, и основная функция сна – удовлетворение желаний. Под желаниями Фрейд имел в виду не только сексуальные желания, но общее стремление к получению удовольствия на перцептивном и на поведенческом уровне. Это два вида врожденных побуждений к жизни и смерти. Желание жить означает инстинктивное стремление личности развиваться и конструктивно действовать во внешнем мире. Инстинкт смерти равноценен желанию разрушить внешний мир, существующий порядок и даже жажде войны. Для Фрейда эти два желания сосуществуют в человеке одновременно, а сон, как работа подсознания, способствует удовлетворению этих желаний. Но какие именно сны проявляют желание жить – плохие, кошмарные или светлые и радостные? Получается, что и те, и другие.

Во сне Тоню преследовали змеи и быки, что наводило на него страх и заставляло во сне отчаянно бороться за жизнь. Но человека, который видел кошмар, отличает стремление к удовлетворению не поверхностных материальных или перцептивных желаний, а более глубоких желаний – «инстинктов жизни». Получается, что сны – это не только галлюцинаторное исполнение желаний, но и, как писал К.-Г. Юнг, естественная реакция саморегулирующейся психической системы, метод саморегулирования духовной системы [Юнг, 2020]. Когда человек видит сон, независимо от того, помнит ли он этот сон после пробуждения, он испытывает бессознательную «компенсацию». Для нас главный вопрос – могут ли сны, которые переживает

главный герой, вызывать сознательные или бессознательные изменения – предстает решенным. В течение трех недель в коме Тоня видит серию подавленных снов и после того, как его тело постепенно восстановилось, мысли его также претерпевают огромные изменения. Для Тони любовь уже не физиологическое искушение, а духовное сближение.

Сон как предвестник страшных событий

В романе «Лето Господне» большое место занимает описание болезни и смерти отца мальчика Вани. Шмелев широко использует символику снов, примет и предсказаний – в основном, во второй части романа – «Радости».

В субботу третьей недели Великого поста Горкин видит сон:

Папашенька на крыльцо выходит, из парадного, во всем-то белом, майском... такой веселый, парадный-нарядный!.. – Царицу Небесную встречать. А на улице – пусто-пусто, ну – ни души. И вот, милок, вижу я: идет от рынка, от часовни. Мартын-плотник, покойный, сказывал-то летось тебе, как к Троице нам итить... Идет Мартын в чистой белой рубахе и... что ж ты думаешь!.. – несет для нас новый Крест! только вот, будто вытесал... хороший сосновый, в розовинку чуток... так-то я ясно вижу! И входит к нам в ворота, прямо к папашеньке, и чего-то ласково так на ухо ему, и поцеловал папашеньку! Я, значит, хочу подойти к ним, послушать... чего они толкуют промеж себя... и не помыслилось даже мне, что Мартын-то давно преставился... а будто он уходил на время. Крест там иде тесал! Ну, под хожу к ним, а они от меня, на задний двор уходят, на Донскую улицу, будто в Донской монастырь пошли [Шмелев, 1998, 251-252].

В эту же ночь и сам Сергей Иванович (отец Вани) видел сон *неприятный... рыбу большую видал, гнилую-ю... вплыла, будто, в покои, без воды, стала под образа...* [там же, 254]. Отец предпочел есть калугу с острым корнем и ледяными огурцами – из-за этого сна он чувствовал отвращение ко всем рыбам, считая, что они пахнут «гнилью». Эти сны – словно пророчества, которые будут сбываться во второй части романа. Прочтение всего романа позволяет читателю понять все эти взаимосвязи.

Сон во второй части романа выполняет функцию предсказания судьбы главного героя. Плохое сначала случается в снах мальчика, потом оно находит воплощение в реальной жизни взрослых людей. Словно, чистая душа ребенка изначально посвящается Богом в будущее – через сны, через детскую интуицию и предчувствие. Роман Шмелева полон таких предчувствий – детских и взрослых:

- описание в «Лето Господне» эпизода, когда у Вани, находившегося рядом с отцом, в голове мелькает мимолетное, но решительное предчувствие: «Умрет и он!»;
- не прилетевшие и не поселившиеся на Пасху скворцы – как будто «чуяли пустоту», по словам писателя;
- на грядущую трагедию намекает портрет висящей в доме лошади с призрачным огнем в глазах, и таки лошадь, везущая на Радуницу отца, сбрасывает его. Так праздник поминовения умерших становится началом «скорбей» мальчика Вани [Красильникова, 2017].

Как предполагал Юнг, сны могут выполнять функцию предвидения будущих событий. Подобно нашим сознательным мыслям, подсознательные сны часто заняты будущим и возможностями его воплощения. По Юнгу, наше сознание еще не знает их, а подсознание, кажется, уже давно дает нам некоторую информацию, результаты чего проявляются во сне

[Юнг, 2020].

То есть, подсознание людей иногда может интуитивно постигать некоторые вещи и частично подменять процесс рассуждения сознательного мышления, возлагая на себя задачу пророчества, которое проявляется через сновидения. Вот и в сознании мальчика Вани земное и небесное пространство в итоге соединяются: *Пойдет завтра Господь, во Святой Троице, по всей земле... И к нам зайдет* [1, 1998, 80].

Мирный сон покаяния и искупления, возвращения к сакральному

Описание сна Дариньки Королевой в романе «Пути небесные» сосредоточено на двух моментах жизни этой 17-летней девушки: первый касается ее сожительства с инженером Вейденгаммером, а второй – искушение любовью гусара Вагаева, от которой сердце Дариньки дрогнуло. Первая часть сна рассказывает о том, что после того, как Даринька сбежала с Вейденгаммером, она страдает и плачет, осознавая во сне всю греховность своего поступка: *пришла к ней матушка Агния, грустная такая, в затрапезной кофте, долго смотрела на нее, болезно... жалела так, глазами... «положила ручку, вот сюда, на чрево... и ушла* [Шмелев, 1998, 56].

Вторая часть сна – под Крещение – когда Дариньку распинают на кресте, и она соприкасается с Богом:

Она видела себя стоящей на каменистой равнине, где не было ни травки, ни кустика. И будто сумерки, и будто она одна. И потом все стемнело, стало «какое-то никакое, совсем пустое», будто не на земле, а где-то. И увидела вдруг, как тьма возблистала светом, и таким лучезарным светом, что солнечный свет показался бы вовсе тусклым. И свет этот был удивительно мягкий, не резал глаз. И из этого лучезарного света родился громкий и нежный голос, приказывавший кому-то, многим, невидимым: «Возьмите ее на крест». И вот невидимые ее взяли и совлекли одежды с нее, но она не знала, какие были на ней одежды. Она не удивилась и не испугалась, а только чувствовала: так надо. И увидела, как на равнине простерся огромный крест, «будто из воскового дерева», очень приятного, светлого, как соты. Она поразилась, какой же это огромный крест, во всю необъятную равнину, И вот крест на ее глазах стал таять, как тает воск, и в мгновение ока умалился до размера, чтобы ее распротерть на нем. Она оглянулась, кто же ее возьмет на крест, но не было никого, только слышался спешный шорох – и ее вознесли на крест. И тихо, но внятно говорили: «Давайте гвозди». И она увидела четыре больших гвоздя, кузнечных, темных, с острыми ребрами. Гвозди были большие, в четверть, и она почувствовала, как трепещет сердце. И услышала, что прибывают правую руку ее ко кресту. Она ощутила жгучую боль в ладони, будто оса ужалила, И с этой болью почувствовала желание быть распятой. И такое радостное желание, что заплакала. И боль от гвоздя пропала. Потом подняли второй гвоздь, и была та же боль, но гораздо меньше, и скоро кончилась. И тогда устремили на нее третий гвоздь, и кто-то невидимый сказал: «Теперь правую ногу». Она испугалась, хотела крикнуть «помиловать!» – но кто-то сказал ей в сердце: «Терпи». И она почувствовала еще большее желание претерпеть. И когда возгорелось сердце, молитвенно воззвала помыслом: «Укрепи, Господи!» И вонзили гвоздь. За острой, ужасной болью во всем существе ее наступило изнеможение. И она услышала, как быстро вонзили четвертый гвоздь, – не успела почувствовать и боли. И раздался из Света голос, сильнее первого, как бы жалеющий, полный благоволения и нежности: «Вонзите ей... – и почувствовала, не видела, как бы перст, указующий: – В самое сердце гвоздь». И тут она

возмутилась духом, и сердце ее то трепетало радостью претерпеть все муки, то замирало в слабости. И в этом борении почувствовала она обетование Господа укрепить ее. И тогда подали пятый гвоздь, и шел этот гвоздь на нее острием, на сердце. Гвоздь этот был огромный, так что прошел бы ее насквозь, и осталось бы много лишку. Гвоздь приближался – было это одно мгновение, – и она услышала сердцем, что Господь ей поможет вынести. Но когда острие дошло до груди ее, сердце затрепетало в страхе и она крикнула: «За что же?!» И услышала тупые стуки, будто от молотов, забивавших тот гвоздь ей в сердце. Нестерпимая боль пронзила ее сердце, и душа вышла из нее, и оставила тело на кресте. И она почувствовала себя, что она где-то, вне, и сама видит себя распятой. Было такое чувство, что она, распятая, видит, как глаза ее закрываются и меркнут, голова клонится, и это – смерть. И не стало боли. И тут открылись ее глаза, и сердце наполнилось радостью, которую не сравнить ни с чем. И голос, полный благоволения, сказал! «Се причастилась Господу». От этого слова взыграло сердце, и она уже не могла дышать [там же, 238-240]. Даринька проснулась в радостном изумлении и слезах.

Эти два сна настолько противоположны по тому содержанию, которое в себе заключают, что совершенно четко дают Дарье возможность не только понять, но и прозреть. Во снах она проходит все этапы своего реального падения и «воскрешения» (о чем говорят названия глав романа) – от искушения, грехопадения до вразумления и преображения.

Таким образом, Шмелев как будто убеждает читателя в том, что реальность и сны проникают друг в друга и влияют друг на друга. И, как писал Юнг, сон порой выявляет скрытые внутренние противоречия и препятствия. А еще каждый сон связан с реальной средой, в которой в настоящее время находится человек, и как бы на первый взгляд ни казались сны оторванными от реальности, они взаимодействуют и проистекают один из другого. В особенно запутанных, противоречивых обстоятельствах действительности дух человека истерзан и с трудом распоряжается, тогда болезненные чувства и переживания могут проявляться в виде ночных кошмаров. Они наполнены различными метаморфозами, продолжениями дневной «работы» психики, иллюзорными предсказаниями будущего.

Дарья жила с внутренним конфликтом и тревогой – состояниями, из-за которого время от времени ей часто снились кошмары. Для читателя сны Дариньки подчиняются определенной логике и имеют правильную завершенность. Дарья была распята во сне и не сопротивляется этому, а, напротив, чувствует радость и освобождение. Словно душа Дариньки в реальной жизни спала и никак не могла проснуться – чувствовала дискомфорт, неудовлетворенность, но продолжала «спать», следовать и дальше грешной дорогой к своему «темному счастью». Поэтому первая часть сна как будто удовлетворяла желание «инстинкта смерти». Ведь Даша с детства была сиротой, познавшей все тяготы такого положения и ставшей еще более одинокой после смерти ее дальней родственницы и матушки Агнии. Одиночество подчеркнуто и в желании покончить жизнь самоубийством перед встречей с инженером, и в приговоре врачей о ее бесплодности. Жизненные обстоятельства заставляют Дариньку, несмотря на ее детскость и духовную чистоту, думать о нежелании выживать. Но в конце концов «вскрик сердца», описанный в очищающем последнем сне, с одной стороны, равен смерти, а с другой – олицетворяет собой пробуждение к духовной жизни и спасение в следовании православной вере [Черева, 2006].

Заключение

Приведенные отдельные примеры сновидений героев произведений Шмелева подводят к выводу о том, что сны либо предсказывают будущее, либо отражают путь героя к искуплению собственных грехов. Многие описания снов у писателя нагружены глубокими и сложными религиозными размышлениями. Через сновидения главные герои часто получают назидания от собственной совести, либо получают подтверждение существования Царства Божия. Таким образом, сон, использование приема онейры (формы сновидения) в произведениях Шмелева является и жанрово-стилевой особенностью, и художественным способом стимулирования сюжетных коллизий, и психологическим приемом объединить реальность и иллюзорный, подсознательный мир, и желанием писателя воплотить представления православного человека о земной и духовной жизни, о человеке, о вере.

Библиография

1. Красильникова Е.П. Специфика художественной картины мира в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2017. Т. 5. № 2 (10). С. 57-74.
2. Макаров Д.В. Христианские понятия и их художественное воплощение в творчестве И.С. Шмелева: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2001. 194 с.
3. Пинаев С.М. Жанровое новаторство И.С. Шмелева («Лето Господне», «Богомолье») // И.С. Шмелев и писатели литературного зарубежья. XXI Крымские международные Шмелевские чтения. Алушта, 2013. С. 3-10.
4. Фрейд З. Толкование сновидений. М.: ЭКСМО, 2020. 560 с.
5. Черва Е.А. Мифопоэтика романной прозы И.С. Шмелева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. 23 с.
6. Чумакевич Э.В. Духовно-нравственное становление личности героя в дилогии И.С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 22 с.
7. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 4. 560 с.
8. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 5. 480 с.
9. Шмелев И.С. Собрание сочинений: В 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 6. 512 с.
10. Юнг К.-Г. Человек и его символы. М., 2020. 352 с.

Dreams in the works of Shmelev

Dao Xiaolei

Postgraduate,
Beijing Normal University,
100875, Beijing, People's Republic of China;
e-mail: 13274619586@163.com

Abstract

Artistic system of Ivan Sergeevich Shmelev manifested itself in the new aesthetics that he proposed in the themes of works, in the compositional construction, in the unique language and ways of depicting the characters and the surrounding world. Each element of this system has been analyzed in detail over the years. However, little attention, in our view, has still been given to the special significance and place of such a phenomenon as a dream in the works of Shmelev, the special symbolism and mythological content that they carry in themselves. In what way does the writer through these episodes of narration and plot devices reveals the characters of his characters; what

symbols and images help him to convey the emotional experience and the spiritual formation of Tony in “Love Story”, Vanya in “Summer of God” and Daria in “Paths of Heaven”? The article attempts to explore this feature of artistic aesthetics of the works of Ivan Shmelev to identify even greater importance of his work for both specialists and for readers. Dream, the use of the oneira technique (form of dreaming) in Shmelev's works is both a genre and style feature, and an artistic way of stimulating plot collisions, and a psychological device to combine reality and an illusory, subconscious world, and the writer's desire to embody the ideas of an Orthodox person about earthly and spiritual life, about a person, about faith.

For citation

Dao Xiaolei (2022) Sny v proizvedeniyakh Shmeleva [Dreams in the works of Shmelev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 12 (5A), pp. 48-56. DOI: 10.34670/AR.2022.26.62.004

Keywords

I.S. Shmelev, oneirosphere, dreaming, subconsciousness, omen, sacred, literary mythologism, neorealism, symbolism, multilevelness and artistic ambiguity in the works of I.S. Shmelev.

References

1. Chereva E.A. (2006) *Mifopoetika romannoï prozy I.S. Shmeleva. Doct. Dis.* [Mythopoetics of novel prose by I.S. Shmelev]. Magnitogorsk.
2. Chumakevich E.V. (1994) *Dukhovno-nravstvennoe stanovlenie lichnosti geroya v dilogii I.S. Shmeleva «Bogomol'e» i «Leto Gospodne».* Doct. Dis. [Spiritual and moral formation of the personality of the hero in the dilogy of I.S. Shmelev “Praying Man” and “Summer of God”. Doct. Dis.]. Moscow.
3. Freud S. (2015) *The Interpretation of Dreams.* CreateSpace Independent Publishing Platform.
4. Jung K.-G. (1968) *Man and His Symbols.* Dell Publishing.
5. Krasil'nikova E.P. (2017) Spetsifika khudozhestvennoi kartiny mira v romane I.S. Shmeleva «Leto Gospodne» [The specificity of the artistic picture of the world in the novel “Summer of God” by I.S. Shmelev]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo yazyka i literatury* [Research Journal of the Russian Language and Literature], 5, 2 (10), pp. 57-74.
6. Makarov D.V. (2001) *Khristianskie ponyatiya i ikh khudozhestvennoe voploshchenie v tvorchestve I.S. Shmeleva. Doct. Dis.* [Christian concepts and their artistic embodiment in the work of I.S. Shmelev. Doct. Dis.]. Ulyanovsk.
7. Pinaev S.M. (2013) Zhanrovoe novatorstvo I.S. Shmeleva («Leto Gospodne», «Bogomol'e») [Genre innovation by I.S. Shmeleva (“Summer of God”, “Praying Man”)]. In: *I.S. Shmelev i pisateli literaturnogo zarubezh'ya. XXI Krymskie mezhdunarodnye Shmelevskie chteniya* [I.S. Shmelev and writers of literary abroad. XXI Crimean International Shmelev Readings]. Alushta.
8. Shmelev I.S. (1998) *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Collected Works: In 5 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ. Vol. 4.
9. Shmelev I.S. (1998) *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Collected Works: In 5 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ. Vol. 5.
10. Shmelev I.S. (1998) *Sobranie sochinenii: V 5 t.* [Collected Works: In 5 vols.]. Moscow: Russkaya kniga Publ. Vol. 6.